

В скансене.

ВАСИЛЬКИ ЗА БУГОМ

Затерянное Полесье

О том, что на западе Польши есть большая диаспора выходцев с Полесья, и в частности с Березовщины, я узнал в середине 1990-х. Желание познакомиться вылилось в организацию первой этнографической экспедиции в Любуское воеводство. Проводником на местности выступил Павел Товпик – сын эмигрантов из Березы, который не один год исследует тему послевоенного переселения поляков из Березовского района.

– В сентябре 1944 года правительство СССР и созданный в Москве Польский комитет национального освобождения заключили соглашение о переселении польского населения из бывших польских областей, вошедших в состав Украинской, Белорусской и Литовской советских республик. Согласно ему, в 1945–1947 гг. из Березовского района было переселено в Польшу 13 305 человек (4,85 % всех репатриантов из восточных пограничных районов). Каждая семья могла взять до двух тонн багажа, т. е. самые необходимые вещи, а также по одной свинье, корове и лошади, – рассказывает он.

В каждом вагоне (советском «пұлмановском») ехали в среднем три-четыре семьи. По одну сторону вагона – животные (коровы, лошади), по другую – люди. В Бресте переселенцы перегружались в польские вагоны, значительно меньшие по размерам, теперь уже приходилось по две семьи на вагон. Путешествие длилось целый месяц.

Первый транспорт отправился из Березы в начале января 1945 года, уехавшие на нем поселились в окрестностях Бяла-Подляски, так как фронт стоял тогда на Висле. Следующий транспорт в апреле 1945 года значительно продвинулся на запад и достиг довоенного польско-немецкого пограничья. А состав, который отправился из Березы в первые дни июня, прибыл под Зелена-Гуру, тогда и приехали в Охлю первые переселенцы. Многие семьи отделялись от транспорта прежде, чем добирались до места своего назначения, а также были семьи, которые собственными силами переселялись в Польшу.

Охля

Охля – одна из деревень, практически полностью заселенных березовскими переселенцами, в этом году она вошла в состав Зелена-Гуры. О ее истории рассказывает скансен – музей под открытым небом. Сейчас в нем более 80 построек, в том числе из камня. Переселенцы из разных восточных областей изменили жизнь в регионе. Здесь, словно в котле, смешались самые разнообразные культуры. Их изучением занимаются в скансене. На выставке народных костюмов иммигрантов есть и наш, полесский. Кроме того, здесь хранится коллекция разных предметов быта, привезенных сюда нашими земляками в 1945 году. В дальнейших планах директора – приобретение и установка типичной полесской хаты со всем ее внутренним убранством.

Последние в Охле коренные березовцы Кароль Антонович Петерлейтнер и Вацлав Александрович Товпик; Ян Иосифович Повхович – из д. Новоселки. Ухоженные старички в костюмах и

при галстуках. Все выехали в Польшу в 1945-м, когда им было лет по 12. Потом, конечно, не раз навещали родину. Старички ностальгически перебирают старые фотографии Березы и живо интересуются нынешними реалиями: сколько в Беларуси стоит доллар и сколько бутылка водки? Какие средние зарплаты? Есть ли работа? Какие существуют предприятия? Как там речка Ясельда? Что сейчас в Красных казармах?

Рассказывая о причинах, побудивших уехать, Ян Повхович начинает издалека:

– Людей забирали на работы. Первый раз, в 1940 году, отца и еще троих из деревни забрали на Мухавец на строительство канала. Там было мелко, баржи не могли ходить, они углубляли канал. Вернулся домой с расчетными листками, а за деньгами надо было ехать в Брест. Те трое написали доверенность, чтобы деньги выдали отцу. Он один и поехал. В Бресте из заработка высчитали еще за еду, ночлеги и даже паломанную лопату. В итоге за полгода работы зарплата четверых человек составила столько, что не хватило на билет на поезд одному. Поэтому вернулся на попутках. Второй раз в составе этой же четверки отец был на работах в Минске в 1944 году. А назад билеты продали только до Барановичей. Как сказали в кассе, от Барановичей – это Польша. В Барановичах пришлось покупать билеты до Березы.

С одной стороны, нам было жаль домов, земли, но с другой, мы были счастливы, что нас в Сибирь не повезут. Вот этого мы боялись. Мою сестру и ее мужа перед войной вывезли в Новосибирск. Еще два дня – и поехал бы на Сибирь очередной эшелон, но началась война, и мы уцелели. Мы не были кулаками, обычные крестьяне.

Петерлейтнер: – Мы там все свое бросили, тут заселились в немецкие дома. Боялись колхозов и что у нас отберут землю. Чем мы тогда будем заниматься? Такая наша ментальность. На какое время мы уезжали, не знали. Ходили слухи, что будет война между Англией или США и СССР и нас потом вернут назад. Но назад возвращались единицы.

Бывшие березовцы и на новом месте продолжали заниматься крестьянским трудом. Но с каждым поколением все больше уходило от традиционного занятия.

Товпик: – Мы немного были разочарованы, когда в 50-е годы в Польше начали делать колхозы. Зачем нам эти колхозы? Мы же от колхозов уезжали. Я стал бухгалтером, Ян – механиком, а Кароль – электриком.

Петерлейтнер: – Хлеб уже не печем, покупаем в магазинах. У детей, внуков такой темп жизни, что им уже не до Березы.

Переселенцы из Березы в д. Охля – слева направо Вацлав Товпик, Ян Повхович и Кароль Петерлейтнер.

Как налаживались отношения с местными поляками?

– Мы, восточники, задиристые, дружные, себя в обиду не давали, и нас побаивались.

По Березе скучаете?

Петерлейтнер: – До сих пор. В Березе мы жили бедно, но весело.

Владимир и Мария Малецкие живут рядом с костелом постройки конца XIII века. Вся крестьянская семья Малецких выехала в Охлю в 1945-м. Самые яркие впечатления Владимира о войне:

– Немцы вешали партизан на столбах в Березе и всех людей сгоняли смотреть. Два раза сгоняли к Красным казармам, потому что партизаны заложили где-то в пекарне мину. Всех людей – мужчин, женщин, детей – согнали и держали на плацу, стоял плач, крик. Это продолжалось целый день.

Владимир помнит два таких случая. Жена подтверждает, что такое же было и в Ястребеле.

Владимир: – После войны я приехал в Березу. Нашего дома не было, он сгорел. Перед отступлением немцы жгли Березу, а жители строили себе укрытия. Весь центр сгорел, включая деревянный рынок. Один старый человек вышел просить, чтобы не сжигали дом, но его сразу застрелили. Шоссейный мост через Ясельду разбомбили, а железнодорожные пути уничтожили специальным паровозом – он ехал и выворачивал шпалы и рельсы.

Немцы

Товарищество друзей деревни Охля объединяет людей, которые налаживают контакты и организуют поездки по родным местам своих предков – в Беларусь, Прибалтику, Украину, а также сотрудничают с немцами – бывшими местными жителями. Руководитель этой общественной организации – Тадеуш Христович – единственный, кто родился еще там, на территории «кресов», в Щучине. Остальные – дети переселенцев.

Жизнь порой принимает неожиданные повороты. Немцы, выселенные из Охли и других деревень, влекомые ностальгией, стали приезжать сюда, чтобы увидеть свои дома и предаваться воспоминаниям.

– На первую встречу бывших жителей Охли с нами приехало около 200 человек, – рассказывает Тадеуш Христович. – И у нас с ними даже установились приятельские отношения. Ведь и они, и мы вынуждены были покинуть родные места и теперь находимся в одинаковом положении. Раз в год на местном кладбище, где были могилы их предков, проводим совместные экуменические встречи, потому что они протестанты, а мы католики.

Кладбище состоит из двух частей. Одна – луг, в середине которого стоит обелиск и собрано несколько уцелевших немецких надгробий. К обелиску

и приезжают теперь потомки живших здесь немцев. Вторая часть открыта уже переселенцами во второй половине 1940-х гг. И процентов 80 фамилий на памятниках – березовские и пружанские. Бортовские, Углики, Олихверы, Радчицы, Мизевичи, Малецкие, Стацевичи, Белевичи, Якушки, Марчени, Билибухи, Радзивонские, Шидловские, Повховичи, Войтеховские, Витковские, Чижи, Бродко, Хоцяновские, Богуши, Товпики, Янковские, Позняки...

Бялков

Ночуем мы в деревне Бялков, в Полесском доме (в переводе на наши реалии его можно было бы назвать Домом культуры), но раз все жители деревни – полешуки, то и дом полесский. На втором этаже здания гостиничные номера. На первом – музей Полесья.

Музей поражает собранием книг о Полесье, документов, фотографий и экспонатов, многие из которых я не видел даже в наших музеях. Вот галоши, сделанные каким-то умельцем из автобусной покрышки – в тяжелое послевоенное время многие ходили в таких. Вот самодельный чугонок, отлитый другим умельцем из металла сбитого самолета! Настольная гильотина для нарезки табака. Два водительских удостоверения – на вождение авто и велосипеда (!), выданные в начале 1930-х в Брест-Литовске Роману Синкевичу. Рядом с Полесским домом деревянная сцена, столба – огромный сарай – и хлев поменьше. В обоих – собрание сельскохозяйственных орудий, начиная с трепачек для льна и заканчивая телегами – все это тоже завезено с Березовщины. Чуть поодаль – основание для ветряной мельницы.

На память из гостеприимного Бялкова увозим диск местного фольклорного коллектива «Крыниченька» с полесскими песнями, фанатский шарф здешней футбольной команды «Полесье» и две бутылки полесского самогана.

Мыцелин

Нех, нех на Полесье,
Тен пёсенке эхо, эхо несе
До коханой тей Березы
Гдзе мой дзядек, ойцец лежы...

Жалостливая песня женского ансамбля «Мыцелинянки» берет за душу. Последняя наша встреча в таком же Полесском доме, но уже не с музеем, а со спортзалом, в деревне Мыцелин.

Жители Мыцелина – потомки переселенцев исключительно из Березовщины – Марьянова, Углян, Дягельца, Сигневичей, Песчанки, Здитова, Подосья, их и в округе до сих пор называют березяками. Фамилии здесь – тоже наши: Марек Позняк, Мария Ярович-Богуш, Регина Голово-Верховец, Ядвига Ярович-Цегельник, Казимера Савчук-Голово.

Известность деревне принес ансамбль, исполняющий полесские песни.

Евгениуш Нипарко в кожухе.

Галоши из покрышки – послевоенная обувь полешуков.

– Мы организовали «Мыцелинянки» в 1999 году, – с воодушевлением рассказывает пани Регина Позняк-Вечерко. – И решили: раз уж мы приходим из Полесья, то и песни должны исполнять наших бабушек. Кроме того, у каждой из нас дома в «скрыне» хранится юбка-поперечка, так мы оделись в березовский «строй». Поехали на один фестиваль, другой, и даже в международных участвовали. Два наших друга, поэт и музыкант, написали нам песню о Березе, «al Polesia» («Печаль Полесья»). С этой песней мы занимали первые места. Если бы моя мама была жива, она бы плакала от нее. Но полесские песни слушают и наши внуки, им это тоже очень интересно.

Марек Позняк увлечен родиной предков:

– Дед рассказывал, когда они жили в Марьянове, Пасху отмечали три недели. Сначала еврейскую. Евреи наняли в помощь христиан, потому что всю пасхальную неделю им запрещалось работать. Потом православные праздновали вместе с католиками католическую Пасху, и, наконец, все вместе православную.

Одна из женщин пересказывает слышанный от своих родителей рассказ об отъезде в Польшу:

– Уже сидим в поезде, должны скоро отъезжать, как бегит тетка: «Дей, пойдизьт! Я вам нэсу коробочку масла!». Другая баба бегит – хлеб горячий несет на дорогу. Люди не знали, куда мы едем, что нас там ждет и будет ли что поест. Односельчане, которые оставались, были православными, но все мы в деревне были свои. И православные несли нам лучшие вещи: «Вот вам лучшая скрыня, у вас слабая». На Полесье каждый крестьянин еще владел ремеслом. Кто-то был швец, кто-то делал обувь, упряжь и т. д. Практиковалось взаимовыручка, и деревня была самодостаточной. Так мы продолжили и тут. Когда не было телевизора, собирались в одной хате, ужин допоздна, говорили, пели песни. Было весело. Сейчас этого не хватает.

Потомки переселенцев хорошо знают и любят свою кухню и наперебой перечисляют блюда: наливки, кумпяк, товканица со скварочками, молоко кисля, льняное семя – это тоже наша полесская традиция, сейчас тоже в Польше масло изо льна даять.

«Мыцелинянки» дарят мне на прощание свой альбом «Polesia szary» («Очарование Полесья») и поют несколько наших песен. И все они, даже веселые в оригинале, звучат с ноткой грусти.

Николай СИНКЕВИЧ.
Зелена-Гура – Береза

В таких немецких домах живут бывшие березовцы (дом Павла Товпики).